

Самым скверным в мальчике было то, что он не плакал. Даже когда мужчина в черной рясе пояснил, что он перестанет существовать — не только сейчас, но и вчера; не просто здесь, но исчезнет из всех воспоминаний мира,— мальчик отнял взгляд от пола и кивнул:

— Значит, никто не расстроится.

Не так давно, когда мужчина в черной рясе был женщиной в красном пиджаке, он забирал девочку постарше. Она тоже не плакала. Но там было нечем. Сил в девочке оставалось на засохшем доньшке: убрать осколок от чужого лица. Когда женщина в красном пиджаке пояснила, что умирать и не существовать — все-таки разные вещи, девочка прошептала:

— Наконец-то.

Вздых облегчения. Валюта посерьезнее слез. К нему прилагался не менее серьезный случай, но сама девочка была обычной. Как сточенный карандашик. Свечной огарок. Она мало отличалась от тех, кого женщина в красном пиджаке, она же мужчина в черной рясе, они же ребенок в желтых кроссовках и старик с льняной астрой на воротничке, уводили прежде в лабиринт.

Мальчик был другим. Мальчик пришел сам.

— Перво-наперво поднимись с колен. Я не ангел и прибил не свыше. Меня не трогает жар твоих речей. Как и не интересуется душа в товарно-денежном отношении.

— Но вы вняли моей молитве,— прошептал мальчик и не двинулся.

— Ты читал ее вслух.

Мольбу он лил у ладановых свеч минут пять: про жизнь, смерть и любовь, в которых не делал различий. А слез не было; ни всхлипов, ни дрожи. Только слова, и все — такие честные, но даже не смыслом, а тихим, сухим до наждачки голосом; тонкой серебрянкой намерения. Спасти девочку. Маленькую девочку. Почти мертвую девочку, которую он не знал.

До мальчика мужчина в черной рясе собирался найти кого-то сам. Выйти на крышу в униформе медбрата и пообещать тому, кто смотрел через край:

— Я могу прекратить это иначе.

И продолжить тому, кто сжимал горсть таблеток:

— Я могу придать этому смысл.

И открыть дверь тому, кто знал, что она открыта, но все равно отказался выходить:

— Мир таков, потому что таков. Он слишком долго думал, что смысл жизни в выживании, и часть законов не обратить. Но теперь мир знает, что был неправ. Он просит тебя об одолжении. Где-то есть человек, который может многое исправить. Но у него нет твоего выбора — мир слишком долго не думал о себе. Так что, если тебе не нужны твоя жизнь, твое будущее...

И твое, шагающий через край.

И твое, глотающий таблетки.

И твое, не видящий открытой двери.

— Отдай их мне. А я — ему. И пойдём со мной.

Иными словами, это мужчина в черной рясе должен был просить спасти девочку — не наоборот. Но тех, других, еще предстояло найти, а мальчик пришел сам. Он был рядом и потому раньше всех увидел, что от девочки остались крупинки.

— Там много умирающих девочек, — напомнил мужчина. — Почему именно она?

Не то чтобы такие вопросы были в регламенте. Не то чтобы ответ что-то изменил.

— У Кристи есть дар,— сказал мальчик просто, как о данности. Как о цвете неба и травы.

— Пройдут годы, прежде чем ее дар возьмем силу, а сама она — значение. Сейчас Криста никому не может помочь.

Только теперь мальчик по-настоящему удивился:

— Если бы Криста никому не могла помочь, как бы я узнал, что у нее есть дар?

Мужчина посчитал это хорошим вопросом.

— Что ж, пусть,— молвил он.

Возможно, слегка патетично. Но он был в черном — не в красном, не в белом; и он очень давно не уводил в лабиринт детей.

Огарки с карандашиками испугались, увидев мальчика. Их род не должен был так быстро молодеть. Особенно от маленьких спичек, что снаружи могли прояснить столько темных ночей, а здесь так быстро и глупо погаснут. Воцарившееся смятение напомнило мужчине в черной рясе о самом скверном. В далекой библиотеке с арочными окнами, переплетая книгу, в которой не хватало начальных страниц, он негромко бормотал:

— Кто и как это упустил...

Когда дети, покидая мир, перестали плакать?

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Два больше двух

Восемь лет спустя

Ариадна двигалась вдоль картин, как мимо голых стен,— равнодушно. Приобретенный иммунитет к искусству экономил ей слова.

— Согласись, в этом что-то есть,— не сдавался я.

— Трата времени,— сказала Ариадна.

Мы были здесь впервые, но интернет уверял: галерея «Синий черный» давно сияла на изменчивом небосводе современного искусства. Силуэтом стеклянное здание напоминало танцующую пару, в которой один преклонил колени, а другой не сполна это оценил.

— У неё свое творческое видение...

— Говорят, оно есть в МКБ.

Черные и синие полотна, краски на которых были замешаны со строительным мусором, не имели рам. Форм, привычных для картин, тоже. Не только из-за торчащих наружу прутьев или скрученных в рожки листов перфорированного железа — нет; картины были как большие кляксы. Мрачные, разрозненные, прямиком из психиатрического теста, ими рябили все поверхности зала (то есть без шуток, даже пол), за исключением фасадной витрины в три этажа мерцающего стекла.

В общем, я остановился. Во всех отношениях.

— Кто говорит? — вздохнул напоследок.

— Кто-то говорит,— сказала Ариадна и ушла.

Некоторое время я рассеянно смотрел ей в спину, затем обернулся на зал. Не считая картин, здесь всё было белым: стены, свет, отполированный до свойств льда паркет, но главное — скульптура гигантского позвоночника по центру. От стен к нему тянулись пять массивных, вросших в штукатурку корабельных цепей, и, как те дороги, что вели только в Рим, они сходились в одной точке — шейном позвонке под потолком. Эта штука была главным экспонатом выставки, называясь просто, но загадочно: «Прага». Мне нравилась. Из-за ее палеонтологического размаха все посетители немного лунатили.

— Прага против мании,— услышал я со стороны.— Эта битва прекрасна. Она о любви.

Я не ждал, что кто-то обратится ко мне. Если Ариадна по-своему вписывалась в местный контингент — неровно остриженная, но траурно надменная, в широком, как мантия (потому что не по размеру), черном плаще — то я был наглядной иллюстрацией к слову «неуместность». См. также: «горнольжная куртка цвета застойных болот», «промокшие кеды» и «возраст». Конечно же возраст. У большинства посетителей по границам студентствовали дети моих лет.

Однако со мной поравнялась молодая женщина. На плечах её, как горностаевый воротник, лежали густые волосы алхимического оттенка: золотого, и розового, и медного. Она показалась мне невероятно красивой. По-рукотворному. По очень дорогому.

— Обратите внимание,— продолжила женщина, глядя в центр зала,— как позвоночный столб, воплощая рассудочность, упорядочивает окружающий хаос мыслей и чувств. Безумие приобретает форму, когда вы видите композицию целиком.

На ней было фиолетовое платье с многослойной юбкой и короткий белый пиджак. Облик, далекий от строгой музейной классики, и все же, заметив в скрещенных понизу руках бланки с почасовыми отметками, я предположил, что молодая женщина следила за сохранностью экспонатов.

— Таков союз Обержинов,— смотрительница галереи повернулась ко мне: — Противостояние рации и хаоса, ментальной выдержки и распада чувств. Несмотря на то что диагноз Охры-Дей давно перестал быть тайной для общественности, эта выставка — ее первое официальное заявление. Монумент борьбы с внутренними демонами, в которой господин Обержин поддерживает супругу более восьми лет. Вы согласны?

Под диафрагмой неуловимо задрезбалось. Но в городе, по осени, это происходило так часто, что я не искал подвоха. К тому же под вопрошающим взглядом красивой женщины я не был уверен во внешнем происхождении своих беспокоев.

— Согласен. Наверное.— Я неловко отстранился.— Простите, я не слежу за такими новостями.

Я отвернулся, нашел взглядом Ариадну. Она стояла у стеклянной витрины, опаленной огнями уличных фонарей. Но до стыдной, полной извинительных «хм» и «гм» капитуляции с последующим бегством в ее сторону мне не хватило пары секунд — смотрительница взяла меня под локоть.

— Стало быть,— взглянула она, кажется, туда же,— вы здесь не ради воскресных благотворительных торгов?

Я одеревенел, не зная, что сказать. Разве что: осторожнее. Разве что: белый пиджак.

— Изучаете в университете искусство?

Я мотнул головой, вздохнул и сдался:

— Если честно, нет. Мы здесь не ради работ Охры-Дей. У нас встреча с господином Обержином.

— Оу.

Это емкое междометие отсекло храмовое служение искусству от корпоративной суеты «Палладиум Эс-Эйт». Смотрительница мягко подтолкнула меня к витрине и, улыбнувшись проплывшему мимо посетителю, заметила:

— Вы кажетесь неприлично юным для деловых встреч с человеком в статусе «Ян Обержин».

Я рассеянно проводил взглядом бежевое ультрадорогое пальто.

— Знали бы вы, как часто я это слышу...

Наверное, такие жесты были приняты в кругах замкнутых малокровных элит. Мысль об этом делала ее близость чуть абстрактнее. Молодая женщина продолжила рассказывать о выставке, перебирая -измы, факты о незнакомых мне людях, и так мы подошли к витрине. За ней тоже можно было увидеть экспонат, но иных масштабов. Любовь туристов, звезда открыток и магнетиков — вымирающая краснокирпичная готика старого города, чередующаяся с дизайнерскими перестройками того, что спасти не удалось.

— Но раз Ян Обержин назначил встречу здесь,— женщина посмотрела на спускавшуюся с холма дорогу,— значит, в контейнере вашей спутницы что-то невероятно ценное от мира искусства?

До меня наконец дошли причины ее внимания. Я кивнул, не скрывая облегчения:

— Может быть.

И молодая женщина поняла, что я понял.

Коротким звонком Ян Обержин впустил нас, но запретил досматривать. Вот почему двое рослых мужчин с явно военным прошлым уже четверть часа конвоировали Ариадну, как человека с тремором над особо важной кнопкой. Ребристый чемодан в ее руке напоминал мини-холодильник для пары бутылок вина, но и контейнер с потенциально опасными устройствами (чем угодно вообще!) тоже.

— Это что-то для Охры-Дей? — Смотрительница взглянула на меня, но, по правде, на Ариадну в паре метров за.— Недавно она перенесла операцию по удалению аневризмы. Бедная женщина. Нет ей покоя. Полагаю, господин Обержин не упускает ни единого шанса порадовать супругу.

В одном смотрительница, конечно, угадала: чтобы добраться до Ариадны, стоило начинать с меня. Другое дело,

что содержимое контейнера не имело к нам никакого отношения.

— Прошу прощения — Я выпутался из ее рук.— Знаете... я просто курьер.

Смотрительница повела плечом. Часть волос осыпалась за спину, приоткрыв лоскут сияющей шеи.

— Для доставки самых удивительных вещей? — уточнила она и, окинув мою обувь, и куртку, и спутницу долгим мерцающим взглядом, вернулась к виду за окном.— Для просто курьера у вас слишком необычные глаза.

Я нечасто слышал столь тактичную формулировку, а потому с ответной вежливостью пояснил:

— Гетерохромия встречается не так редко, как кажется.

— Оу,— смотрительница всмотрелась в дорогу.— Я не об этом.

Слегка растерявшись, я тоже посмотрел в окно и увидел мчащийся по склону черный внедорожник.

— Он не остановится,— вдруг сказала Ариадна.

— Что? — повернулся я на голос.

Ее пристальный взгляд сошел с холма.

— Тот саннстран-фьорд.

Я снова устался на автомобиль. Еще секунду это выглядело как лихачество человека, которому принадлежал если не весь город, то пара элитных улочек. Затем на безопасный исход не осталось дороги. Саннстран несся прямо на нас.

— Стекло крепкое? — пробормотал я.— Оно выдержит?

— Не думаю,— ответила Ариадна.

Я резко обернулся. Один из охранников не успел изобразить глубочайшую озабоченность окружающими -измами — и слава богу!

— Назад! Пожалуйста! Скажите всем отойти назад!

Я тоже отдернулся, но в последний момент заметил смотрительницу. Она не двигалась, по-прежнему следя за саннстраном. Тот подпрыгнул, влетая на газон, ломая тонкоко-

ные кленовые саженцы. Я рванул к стеклу, не думая. Думая, я бы никогда на это не решился. Я схватил смотрительницу за руку, дернул — и витрина будто взорвалась. Нас сбило с ног ударной волной и швырнуло об пол. Осколки сыпались, сыпались, сыпались. Они были повсюду, как и медно-золоторозовые волосы. Я слышал, как саннстран, распоров паркет, пронесся к центру зала и во что-то врезался. Загудел металл. Стены будто пошатнулись. Кто-то вскрикнул — и заглох.

И все резко заглохло.

Глаза у смотрительницы были куда необычнее моих. Почти фиолетовые, густо подведенные серебром — они смотрели не мигая.

— Вы в порядке? — прохрипел я.

— А вы? — прошептала она.

Приподнявшись, я уперся рукой в пол, и локоть надломилось. Боль пропечатала меня от пальцев до корней зубов. С глухим стоном я оглядел рукав куртки, на которой не было ни крови, ни даже осколков, и выдохнул:

— Ариадна...

По мокрому взвеси расплзался шепот. Поднявшись на ноги, я увидел примятый столкновением саннстран. Возвышавшийся над ним позвоночник дребезжал угасающим эхом удара. Одна из цепей оборвалась и рухнула на пол. От креплений других на стенах вскрылись длинные трещины.

Я посмотрел на регистрационный номер. Во внутреннем кармане куртки лежала бумажка с точно таким же.

— Господин Обержин!

Охранники бросились к автомобилю. Я рассеянно шагнул следом, но мне тут же преградили путь.

— Уходим, — сказала Ариадна.

На саннстран она смотрела с тем же выражением лица, с каким недавно двигалась вдоль картин. Во вьющихся по ушам черных волосах поблескивало стеклянное крошево.

— Но он, скорее всего, жив, — возразил я.

— Не важно.

Зал наполнялся голосами. Кто-то вызывал скорую. Сквозь разлом в витрине шел дождь.

— Уходим, Михаэль,— с нажимом повторила Ариадна.— Нас не должны задержать как свидетелей.

Я опустил взгляд на контейнер в её руке. Сбоку темнела вмятина, по пальцам текла кровь. Собираясь в ложбинках ребристой крышки, она напоминала мне — а вот Ариадне вряд ли — что её тело по-прежнему было живым.

— Ты ранена,— я кивком указал на ее кисть.

Она опустила голову, выкрутила локоть, чтобы осмотреть повреждения, и мою руку снова прошибло током.

— Не надо...— поморщился я.

— Извини,— в тысячный раз сказала Ариадна, перехватив контейнер здоровой рукой.— Я забыла о нем. Вероятно, задело машиной.

Охранник захлопнул водительскую дверь и что-то просигналил напарнику на пальцах. Взгляд того стал пугающе нечитаемым.

— Ты права,— выдохнул я.— Надо идти.

Мы двинулись к выходу за спинами растерянных посетителей. Короткого белого пиджака и алхимического цвета волос среди них не было. На выходе Ариадна придержала мне дверь. Я стер со стекла ее кровь и в последний раз обернулся.

Лишь у пассаты, припаркованной под буро-розовыми кленами, я замедлился. За холмом вздымались звуки сирен.

— Как ты поняла, что он не остановится?

Ариадна щелкнула сигнализацией. Автомобиль вспыхнул лисьими прорезями фар.

— Он проигнорировал скоростное ограничение.

В пассате было сухо и тепло — остыть она не успела. Поставив контейнер между сиденьями, Ариадна распотрошила пачку салфеток и принялась вытирать кровь.

— Но люди постоянно превышают скорость,— сказал я.

— И разбиваются,— ответила Ариадна.

Каждый ее бесчувственный жест отзывался в моем локте такой болью, что некоторое время я лишь оцепенело следил за водными дорожками на лобовом стекле. Капли встречались, сливались, расходились, искрясь в свете двухглавых фонарей.

— Извини,— сказала Ариадна в тысяча первый раз.

— Всё хорошо.— Я вымучил улыбку.— Завтра заживет.

И хотя мы никогда об этом не говорили, я знал: она не понимала, что со мной не так.

Проснувшись два года назад, Ариадна увидела меня первый раз в жизни, но ни тогда, ни сейчас не задала самый очевидный вопрос: *какого черта?*

Не могла.

Не хотела.

Ей было все равно.

Кровь на скомканных салфетках казалась налетом ржавчины. Ариадна затолкала их между кресел и включила двигатель.

— Что думаешь? — спросил я, проверяя на панели заряд аккумулятора.

Вытянув ремень безопасности, она задержалась взглядом на зеркале заднего вида и сказала:

— Его жена будет недовольна.

* * *

Из-за того, что нам пришлось заехать на подзарядку, повсюду перестало хватать пяти минут. Мы не проскочили перед аварией, потеряли время на объезд, попали под сломанный светофор, и гудящие пятничные пробки сомкнулись вокруг, как океанские воды над батискафом. Дорога в двадцать минут растянулась на полтора часа. Все это время Минотавр не брал трубку.

— Шоколадки в бардачке,— напомнила Ариадна.

— Спасибо,— пробормотал я, не открывая глаз.— По-терплю до ужина.

Когда она вывела пассату на прилегающий к лабиринту переулок, произошедшее в галерее уже казалось вчерашним днем. За двоих тело затекло так, что я почти не чувствовал большую руку. Но на парковке во внутреннем дворе меня все же кольнуло смутной тревогой. В ряду одинаковых пассат, через три от нашей, стоял Минотавров саннстранфьорд. Он множил тени и напоминал громоздкое чудище, охранявшее выгул серебристых нимф. У Яна Обержина был точно такой же.

В прихожей я направился к ближайшему шкафу. Ариадна прошла к тем, что подальше. Раздеваясь, я пытался понять, из арки какой гостиной доносились голоса и лязганье столовых приборов. Судя по всему, Куница опять ужинала с новичками перед телевизором. Через секунду (кажется, из правой) послышался её раскатистый, почти оперный хохот:

— Понятия не имею, когда лабиринт начнет слушаться вас. Мои записи, как и ваше обучение,— удачный способ занять себя между двумя бутылками «Шарло Померло», а вовсе не испытательный полигон, после которого вам откроются все двери. Но у вас же нормальный периметр, чего вам не хватает? Куда отвести?

— Да не,— послышался флегматичный женский голос.— Периметр норм. Мы просто не поняли прикол с Томкой...

— Ага,— еще ленивее ему вторил мужской.— Только появилась, а лаб ее уже к Минотавру пустил...

Куница рассмеялась. Она всегда смеялась. Этому невозможно было противостоять.

— Цветик появилась давно. А заметили вы ее вдруг, потому что она стала дубль-функцией Виктора. В дубле все маркеры и связи кладутся в одну корзину. Поэтому лаб считает ее за него, а его за нее, а Вик с нами лет пятнадцать, наверное. Но вы о дубле даже не мечтайте, отверженные мои. В этом вопросе Минотавр исчерпал квоты благодушия на жизнь вперед.

Я поглядел на Ариадну. Закрыв шкаф, она подняла контейнер и развернулась к трем дверям в глубине прихожей.

— Погоди,— попросил.— Нужно осмотреть твою руку.

— Нужно отдать Минотавру атрибут.

— Куница все равно здесь. Пять минут.

Ариадна посмотрела в сторону гостиной (левой, кстати) и, помедлив, кивнула. Ее механическая покорность, как всегда, породила во мне смешанные чувства.

В гостиной двое новеньких сидели на полу, спинами ко входу. Журнальный столик перед ними был завален контейнерами с корейской едой. Парень, имени которого я не знал (за последние два года приятельство с живыми людьми стало для меня таким же неподъемным делом, как ракетостроение), лениво приподнял бокал вина:

— Ну ок. С Томкой ясно. А Мишаня?

Я перешагнул порог звук в звук со своим именем. Уверен, все обожали такие моменты.

— Кстати, да. У него за восемь лет даже контрфункция не исполнилась... И от дубль-функции одно название...

— Зато близнецы их у Минотавра каждый день палят. А она ж вообще мертвая. В чем прикол?

Куница лежала в кресле напротив входа, закинув ноги на подлокотник, и, в отличие от новеньких, прекрасно меня видела. В широких складках темно-зеленой туники стояла чашка размером с супницу, но настаивался в ней отнюдь не чай.

— Давайте у него и спросим.

Новенькие обернулись. Оба бледные, длинноволосые, они оказались не сильно старше меня, но я сразу понял, какую отверженность упомянула Куница. События собственного прошлого еще казались им исключительными, ни с кем прежде не случавшимися. Такие мысли всегда выдавали глаза. Они никого не жалели.

— Что ты сделал, чтобы лабиринт пустил тебя к Минотавру? — спросила Куница.